

Родная улица моя

Улица Набережная

В сороковых годах двадцатого столетия на улице Набережной города Белорецка не было ни одного деревца, а покрытый ярко-зеленой поляной берег серыми скалами круто обрывался к реке Белой. На противоположной стороне реки, в низине, раскинулся район, называемый Лука. Здесь жили лукинские люди, такие же работающие и дружные, как и население Набережной улицы, и дома у лукинцев были такими же, как у нагорских, то есть на нашей улице Набережной. Капитально возведенные, крытые железом добротные бревенчатые избы свидетельствовали о том, что их хозяева, в основном труженики металлургического завода, живут в достатке, интересной, содержательной жизнью. Фасад каждого их дома украшали резные карнизы, наличники и ставни, выкрашенные в белый цвет. Но из-за ненадобности закрывать окна снаружи, ставни по назначению использовались редко. На подоконниках каждого дома стояли цветы. Наиболее распространенными в то время комнатными растениями были герань, фикусы, алоэ и другие. К каждому дому с улицы примыкал палисадник как дополнение к огороду, расположенному на задах дома. В огородах и палисадниках основным растением был картофель, считавшийся вторым хлебом. Кроме огородной зелени у многих росли кусты сирени, смородины, малины и, конечно же, цветы: астры, красные маки, пионы и другие.

С высокого берега Набережной прекрасно просматривался весь Лукинский район: улицы жилых домов, копровый цех металлургического комбината, завод тракторных рессор и пружин, хлебозавод, плотина водяной мельницы, деревянный мост через реку Белую и лучшая в мире, как считали все набережцы, двухэтажная, из красного кирпича школа № 10. Из ее стен вышло в большую жизнь немало настоящих патриотов земли русской.

Среди них: заслуженный военный летчик, доктор военных наук, генерал-полковник **Борис Корольков**, который в 1944 году пришел в первый класс школы № 10 и до сих пор с благодарностью вспоминает свою первую учительницу Зою Ивановну. В 1952 году Борис стал чемпионом города Белорецка по шахматам среди юношей. После окончания Чкаловского (Оренбургского) летного училища, где он учился и жил в одной казарме с Юрием Гагариным, Борис освоил 12 типов самолетов, являлся командующим ВВС Южной группы войск в Венгрии, с 1985 года занимал почетную должность первого заместителя Главкома ВВС СССР, а с 1988 года до выхода в запас в 1996 году возглавлял Академию ВВС имени Гагарина. Имел общий налет более трех тысяч часов и награжден орденами Октябрьской революции, Красной Звезды, «За службу Родине» 2-й и 3-й степеней, «За военные заслуги», Святого князя Александра Невского 2-й степени, Петра Великого 2-й степени, венгерским орденом Красной Звезды многими медалями и почетным именованным оружием.

Из других видных выпускников школы № 10 - старший советник юстиции **Борис Соков**, бывший прокурор города, Почетный работник прокуратуры России, Почетный гражданин города Белорецка и Белорецкого района. Награжден многими государственными наградами;

Александр Антипин, кандидат технических наук, доцент Хабаровского, Тихоокеанского института, ведущий исследователь альтернативных источников энергии, автор изобретения способа изготовления тонкостенных профилей из алюминиевых сплавов. В свое время он был чемпионом Белорецкого металлургического техникума по волейболу и шахматам. В 1957 году стал победителем первенства города Златоуста по прыжкам в высоту. В 1963 году он завоевал титул чемпиона Уральского политехнического института по борьбе самбо в тяжелом весе. А в 1951 году значился одним из организаторов и центральным защитником детской футбольной команды Уфимской улицы города Белорецка, импровизированный стадион которой находился на перекрестке улиц Ленина и Уфимской, где в годы войны стояла батарея пушек артиллерийского училища;

Игорь Ракитин, инженер, изобретатель СССР, Почетный ветеран Челябинского электрометаллургического комбината. В свое время был известен в Белорецке как непробиваемый вратарь юношеской футбольной команды Уфимской улицы. В Белорецке он работал токарем на БМК и был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Башкирской АССР. Из Белорецка был призван в армию. Служил в Московском округе ПВО, где командовал орудием, салютующим в праздничные дни установленным количеством залпов. В один из периодов своей службы ему выпала честь встречать и сопровождать группу летчиков, готовившихся для полета в космос;

Вячеслав Сапин, победитель соцсоревнования Всесоюзной ударной комсомольской стройки Качканарского горно-обогатительного комбината, замечательный самодеятельный художник и труженик;

Клавдия Гушенская, педагог-новатор, талантливая писательница и поэтесса, дочь погибшего в годы Великой Отечественной войны старшего лейтенанта Василия Гушенского, всегда свято следовавшая его традициям;

Октябрина Шобухова, врач от Бога, известная далеко за пределами родного города;

Галина Карпенко, талантливая организатор культурно-просветительской работы и художественной самодеятельности, также известная далеко за пределами Белорецка;

Сергей Мироненко, чемпион города по волейболу;

Нина Тяжелникова и **Клара Знаменскова**, педагоги-новаторы;

Лидия Тяжелникова, работник высшей школы;

Станислав Данилов, талантливый бизнесмен и предприниматель.

Все ребята и девчата школьного возраста улицы Набережной учились в школе № 10, среди них были отличники и хорошисты:

Владимир Тяжелников, инженер завода АТД, ударник коммунистического труда, дважды признавался победителем социалистического соревнования по итогам выполнения пятилетних планов. После службы в армии вернулся в Белорецк непревзойденным мастером вождения танков;

Альберт Абдрахимов, инженер-металлург, ударник коммунистического труда, неоднократный победитель всеармейских спортивных соревнований по солдатскому двоеборью, активист армейской партийной организации;

Алла и Тамара Хлётскины, **Тамара Мельникова**, **Ирина Симонова**, **Евгений Тутунин**, **Валя Тяжелникова**, **Галя Знаменскова** и многие другие.

Когда-то на станции Нура пыхтели и перекликались гудками паровозы Белорецкой узкоколейной железной дороги. А еще дальше, на плато горного хребта располагался аэродром Белорецкого аэроклуба. Здесь постоянно взлетали и приземлялись самолеты

У-2. Часто голубое небо над аэродромом покорители воздушного океана окрашивали белыми куполами своих парашютов. Периодически самолет с помощью длинного буксировочного троса поднимал под облака одноместный планер. На определенной высоте планер отсоединялся от самолета и совершал свободный полет из-под облачных далей.

Каждый курсант в конце учебы в аэроклубе сдавал зачеты по исполнению фигур высшего пилотажа, в том числе «штопора», при исполнении которого самолет поднимался на большую высоту, а потом на виду у всех жителей улицы Набережной, словно камень, падал вниз, кувыркаясь и

продельвая головокружительные пируэты. На определенной высоте самолет выходил на горизонтальный полет и благополучно приземлялся. Так рождались в Белоречке новые авиаторы.

Вдоль берегов Белой, у кромки воды швартовались лодки-плоскодонки. Пристегнутые к берегу, они слегка покачивались на волнах. Эти лодки предназначались для рыбной ловли, но чаще использовались для прогулок по реке. А рядом, на мостках, женщины полоскали белье, набирали ведрами воду и на коромыслах разносили ее по домам. В реке водилось много разной рыбы и раков, что говорило о чистоте Белой. Самой распространенной рыбой были пескари. Они забирались даже в брошенную в воду бутылку, и по этой причине чаще других попадали на кулан набережных рыбаков, а затем - на сковородку. А вот налимообразная, величиной с пескаря, рыба, называемая «соской», считалась почему-то несъедобной, была медлительной, поэтому ребяташки добывали ее с помощью обыкновенной столовой вилки для угощения своих четвероногих друзей – кошек.

Однажды, года через два после окончания Великой Отечественной войны, мы увидели через окна своих домов, как посередине реки плывет много каких-то поленьев и щепок. Оказалось, что это мертвая рыба. Завод стал сбрасывать в Белую какие-то вредные стоки, и все живое в реке погибло. Рыбы и раков не стало.

Улица Набережная располагалась вдоль берега между улиц Ленина и Сталина (ныне Карла Маркса), насчитывала 25 домов, пять пятистенных, остальные в два или три окна. Вдоль берега проходила дорога, пригодная для гужевого транспорта. По этой дороге и автомашины могли проехать, но с риском сползти вниз по склону (особенно в дождливую погоду) и рухнуть с берега в воду. Поэтому машины здесь были большой редкостью, а все грузы сюда доставлялись на лошадях.

Зимой тогда выпадало много снега. Он, словно пушистой ватой, укутывал крыши домов, дворовые постройки и покрывал толстым слоем дороги. Ночью, когда появлялась большая желтая луна, на которой, как говорили нам бабушки, сидят два апостола - Каин и Авель, снег в лунном свете начинал мерцать маленькими, таинственными огоньками.

Дороги и тропинки на Набережной никто никогда от снега не расчищал, только подъезды к домам. Дорожки просто протаптывались идущими на работу и возвращающимися с работы пешеходами. А лошадки, привозившие с базара дрова и сено, санями разравнивали и уплотняли снег. И до следующего снегопада дорога вновь становилась дорогой.

Отопление в домах было только печное. Значительную площадь занимала русская печь. Она являлась не только гарантом тепла, но еще и фабрикой выпечки калачей, витушек, пирогов, шанег, ватрушек, плюшек, плетенок, «рябчиков» и самых массовых изделий - кралек. Только самые нерадивые хозяйки на Набережной не занимались выпечкой хлеба. У каждой были свои наработанные рецепты хлебобулочных изделий, поэтому хлеб получался разных категорий, один вкуснее другого. На шестке русских печей всегда стояли чугунки, сковородки и глиняные горшки.

Каши, гречневая и пшенная, сваренные в русской печи в глиняных горшках, имели необыкновенную, заоблачную вкусность, какую в современных квартирах на газовых плитах и в духовках изготовить совершенно невозможно. А вот когда при варке пшенной каши на внутренней поверхности глиняного горшка образовывалась корочка, вкус её сравнить было абсолютно не с чем, это было сказочное, духозахватывающее угощение.

А под печкой в специальной печурке хранились ухваты, сковородники, кочерга, лопатки для садки калачей в печь, шабала для удаления золы, щипцы для вытаскивания углей и другой инструмент.

Русская печь была самым теплым уголком в доме, поэтому спальные места на печке отводились бабушкам и дедушкам. Иногда, в сильные морозы, к ним на печку забирались внуки. Прижавшись к теплым кирпичам, они рассматривали картинки в книжках, читали стихи Пушкина о

вьюге: «Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают...» - и внимательно вслушивались, как завывает в трубе ветер и беснуется пурга на улице.

Лучшим топливом для русской печи были березовые дрова. Но в морозные зимы тепла от протопленной печи на сутки не хватало. Поэтому оконные стекла в домах покрывались сказочными, причудливыми рисунками, напоминающими непроходимые, таежные дебри или страну дремучих трав. «Это Дед Мороз такие картинки на окнах рисует!» - поучали бабушки своих внуков. Ну, а внуки, дети войны, находили для себя занятия даже в трескучие морозы. На привязанных ремнями к валенкам коньках-снегурочках они лихо катались по льду замерзшей реки. Или, захватывая дух, неслись на лыжах по склону крутого берега прямо на лед реки, а весной катались по Белой на льдинах.

Летом загорали на прибрежных скалах, купались, прыгая вниз головой с крутого камня, находившегося напротив дома Мельниковых. Бегали по улице босиком и путешествовали по реке в обыкновенном корыте. Место купания для девочек находилось напротив дома

№ 36 и называлось «Девчачьим раем».Здесь всегда раздавался радостный визг, смех и крики купающихся.

Любимым занятием ребят была игра в войну с настоящим оружием, принесенным с копрового цеха, - немецкими винтовками и нашими автоматами ПППШ, доставленными с мест боев на переплавку в печах металлургического завода.

5 августа 1941 года в Белорецк было срочно передислоцировано 2-е Ленинградское ордена Ленина Краснознаменное артиллерийское училище. Улица Набережная стала для артиллеристов учебным полигоном. Будущие бомбардиры разместили в скалах вдоль реки свои командные, огневые и наблюдательные пункты, оборудованные стереотрубами и другими наблюдательными приборами, устанавливали между ними полевую телефонную связь и передавали на батарею координаты для нанесения артиллерийского удара.

Основные подразделения училища располагались в районе металлургического техникума, а одно размещалось в Доме обороны. Его батарея из шести 152-миллиметровых пушек стояла почти на краю обрыва к реке, в начале улицы Ленина. Получив координаты, артиллеристы имитировали ведение огня по указанным целям, с утра до вечера проводя здесь занятия. 20 августа 1944 года училище было передислоцировано обратно из Белорецка в Ленинград.

Жизнь набереженцев, как и всех белоречан, продолжала регулироваться заводскими гудками. Завод подавал их в 6 и 7 часов утра, в 2 и 3 часа дня и в 6 и 7 часов вечера.

Почти в каждом дворе набереженцев имелись корова, куры, гуси и другая живность, которые помогали выживать в суровые военные годы. Коровы были главными кормилицами. Трудовой день набереженцев заканчивался встречей стада, возвращающегося с пастбища. Домой коровы шли по улице одна за другой, как солдаты в колонне по одному, равняясь в затылок. Хозяйки, встречающие их, открывали настежь ворота. И на удивление многих ни одна корова никогда не путала свой адрес. Прошагав до дома, она круто поворачивала и шла навстречу своей хозяйке, приготовившей ей вкусное пойло. Но в 50-е годы Никита Сергеевич Хрущёв убедил всех в том, что гораздо удобнее покупать в магазине молоко, разбавленное водой и разлитое в бутылки, чем косить и заготавливать на зиму сено, ухаживать за скотиной. И коров на улице Набережной не стало.

Продолжение следует

Источник:

Попов, Л. Родная улица моя [Текст] : [улица Набережная. Воспоминания Л. Попова] / Л. Попов // Белорецкий рабочий. – 2018. – 3 апреля. – С. 6.

Родная улица моя

Продолжение. Начало в номере за 3 апреля 2018 года

На берегу, напротив дома бабушки Мироновой, хранились бревна, сложенные в штабель. Это местечко так и называлось «на бревнах». Сюда каждый вечер приходила молодежь. Кто-то играл на гармошке, Коля Шошин отплясывал «сербиянку», раздавались веселые песни, а иногда и полухулиганские частушки: «Если хочешь со мной знаться приходи на бугорок, приноси буханку хлеба и картошки котелок». Или такие: «Белорецкие ребята экономию ведут, папиросочку докурят и окурок дожуют».

А когда зажигались на небесах звезды, появлялся холодный ветерок, гасли огни в окнах набереженцев, все участники встреч «на бревнах» расходились по домам. Ночь опускалась на землю. На Набережной становилось тихо и темно. Уличного освещения здесь никогда не бывало. Жизнь словно замирала. Лишь река Белая по-прежнему несла свои воды мимо хмурых скал и грозных утесов, мимо таежных поселков и больших городов на запад.

Вновь оживала Набережная лишь к утру, когда продолжительный заводской гудок оповещал белоречан о том, что пора собираться на работу.

В годы Великой Отечественной войны население Набережной улицы значительно увеличивалось за счет прибывающих беженцев с западных районов СССР. Представители городских властей водили их группами от дома к дому и просили набереженцев приютить кого-либо на временное проживание. Но не все соглашались брать на себя дополнительные заботы. Одну из семей приютили Володя Хлесткин и его мать. В приезжей семье был мальчик нашего возраста, он быстро вписался в компанию и на улице всегда был с нами. Беженцы на Набережной жили не долго. После освобождения от захватчиков их территории, они сразу же возвращались на родину. И наш новый знакомый тоже уехал.

Жители улицы хорошо знали всех своих соседей и относились друг к другу почти по-братски. Если кто-то посторонний появлялся на Набережной, сразу же возникали вопросы: «Кто это? К кому он пришел?».

Однажды весной, когда ярко светило солнце, а последний снег ручейками сбежал в реку Белую, на улице появился странный молодой человек. Он перелез через забор между домами Тимошиных и Балдиных, прошел по еще не совсем проснувшимся от зимней спячки огородам до дома бабушки Мироновой, где вышел на улицу, спустился с берега к реке и под скалами разжег костер. Оказывается, на освободившихся от снега огородах он набрал себе прошлогодних мерзлых картофелин и состряпал из них оладьи. Потом нашел кусок кровельного железа и, используя его вместо сковородки, стал жарить свои изделия. Железо было ржавым, наверное, поэтому оладьи имели привлекательный румяный, аппетитный оранжевый вид. Нам, наблюдавшим за работой странника, очень хотелось их попробовать. Но он никого не угостил. Сложил оладьи в мешочек, вежливо попрощался и ушел в сторону хлебозаводского моста.

Дом № 25

Улица Ленина в Белоречке пролегала до горы Мраткино, шла через весь город и обрывалась на берегу реки Белой. Здесь, на крутом склоне, стояла маленькая избушка, выкрашенная известкой в белый цвет. Она походила на маленькую украинскую мазанку. Пол в ней был земляной. Хозяйка - одинокая старушка - содержала свое жилище в чистоте и порядке. Эта избушка была правофланговым домом нашей улицы и имела порядковый номер 23. Вскоре номера домов на улице Набережной изменили, сдвинув на два. Теперь дом получил номер 25, а следующий - 26. Впоследствии нумерация еще раз менялась и тоже в сторону увеличения. Подъехать к избушке

можно было только на велосипеде. Чем бабушка топила печь и где у нее хранились дрова, для нас так и осталось загадкой.

Однажды мы с Альбертом Абдрахимовым прошагали по берегу до улицы Ленина, но избушку на месте не обнаружили. Земляной пол, вдавленная в землю чьим-то сапогом столовая ложка и валяющийся рядом рваный кошелек - это все, что осталось от бабушки и избушки. Позднее металлургическим заводом на том месте был построен добротный бревенчатый дом. В него вселилась семья заводского прораба Кирпичёва. В его семье кроме жены был взрослый сын и смуглая красивая девочка Мира, наша ровесница. По какой-то причине Кирпичёвы вскоре уехали из Белорецка. А когда после службы в армии я вернулся в родной город, мне рассказали, что Мира погибла от руки своего мужа-ревнивца.

В доме № 25 после Кирпичёвых поселилась семья другого сотрудника аппарата управления БМЗ Хоста Елеевича Рыскина. Он и его жена Ксения Ивановна воспитывали двух дочерей - Наташу и Ларису. Позднее обе окончили Магнитогорский индустриальный техникум и создали свои семьи. Глава семьи Х. Е. Рыскин умер рано. В доме осталась одна бабушка. Единственной ее отрадой был телевизор, когда он сломался, она вызвала телемастера, который оказался гнусным маньяком. Он позарился на кошелек бабушки и, как нам рассказывали земляки, задушил ее.

Через некоторое время, после передислокации артиллерийского училища в Ленинград, в освобожденном Доме обороны появились смуглые мужчины-переселенцы из освобожденных от оккупантов районов юга. По городу они ходили свободно. Одеты были в национальные костюмы, многие - в длинные широкие халаты, отороченные мехом.

- А вы знаете, - рассказывали в очереди за хлебом в Мещеркиной лавке удивленные до глубины души старушки об одном из них, - он возле Дворца культуры сошел с деревянного тротуара всего шага на два, сел, расправив полы халата вокруг себя по земле, и, не стесняясь ни мужчин, ни женщин, оправил свои естественные надобности, встал и дальше пошел...

Жили переселенцы в Доме обороны с неделю, пищу себе готовили под берегом реки Белой, напротив дома № 25, разводя в скалах костры. Уличные мальчишки, собиравшиеся ватагами, не знали, что это за люди, куда, зачем их переселяют и рассуждали так: «Идет война. Наши отцы воюют, гибнут. Долг всех мужчин сейчас сражаться на фронте, защищать Родину. А этих молодых, крепких парней переселяют в глубокий тыл, значит, они неблагонадежные, дезертиры. Значит, они достойны всеобщего презрения, поэтому в них обязательно нужно бросать камни». И, набрав полные карманы камней, мальчишки атаковали «дезертиров» с вершин берега. В ответ кто-то из пострадавших со свирепым видом выскакивал из-под берега им навстречу. Мальчишки срывались с места и неслись гурьбой вдоль улицы Набережной в сторону деревянного хлебозаводского моста. Впереди - ребята постарше во главе с Колькой Шошиным, позади - малыши: Славка Сапин, Альберт Абдрахимов и Володя Тяжелников. Через некоторое время, передохнув, они вновь шли в атаку. И все повторялось.

Ребята пытались обстрелять дезертиров из рогаток со стороны реки. Нашли лодку, битком погрузились в нее. Двое сели за весла. Медленно подошли к месту, увидели людей в одежде черного цвета, расположившихся на зеленой траве под солнышком, как на курорте. Под скалами горели несколько костров, сиреневый дымок от них расстилался по берегу. Дали залп из рогаток. Но оказалось, что дистанция слишком велика. «Снаряды» не достигли цели. Один из дезертиров, увидев недобрые намерения «мореходов», быстро вскочил, подбежал к кромке воды, схватил камень да так метнул его, что он, перелетев лодку, плюхнулся возле ее носа. Среди нападающих началась паника. Послышались команда: «Дальше от берега!». Лодка, зачерпывая бортами воду, уходила на безопасное расстояние. Атака с реки не удалась. Пришлось вновь переходить к сухопутным действиям. Переселенцы же к этому времени кому-то крепко пожаловались. Утром следующего дня,

выйдя на «огневой рубеж», мальчишки увидели, как из-под берега навстречу им выходит человек в полувоенной форме, поставленный охранять переселенцев. Подойдя ближе к ватаге, он остановился и стал внимательно рассматривать ребят. Сомнений в том, что это милиционер или работник НКВД, не было. Мальчишки, не сговариваясь, вытряхнули на землю камни из своих карманов и побрели обратно вдоль берега искать себе другое занятие.

Прошло несколько лет, и мне пришлось здесь, под скалами, побывать в роли этих переселенцев. После войны далеко не у всех ребят, чьи отцы погибли на фронте, жизнь складывалась безоблачно. Меня, например, мой глухонемой дядя Володя иногда выгонял из дома, а дедушка и бабушка не могли ему в этом воспрепятствовать. И мне приходилось даже зимой ночевать на сеновале. В зимнем пальто, в шапке, в варежках я, как крот, пробирался в середину сенной массы, надеясь обосноваться там. Но и там было холодно. Пытался я ночевать в бане, только печь, жарко натопленная в субботу, к середине ночи остывала и опять становилось холодно.

Летом было проще. На берегу, под скалами, на траве, усыпанной мелкими желтыми цветками, почему-то называемыми «куриной слепотой», можно было хорошо выспаться. Но и летом по ночам на улице прохладно. И однажды холод побудил меня прогуляться по ночному городу. Я прошел по сонным улочкам Набережной и Уфимской, напротив дома Шулешко присел на бревно. Собака во дворе, почуяв чужого, залилась громким лаем, разбудила всех соседей. В окне нарисовалась хозяйка и что-то грозно прокричала в мой адрес. Я снова вернулся на улицу Набережную, перешел по деревянному мосту речку, обошел вокруг свою родную десятую школу и обратил внимание на дверь запасного входа с торца здания. Толкнул, она открылась. И я увидел, что в тамбуре, образованном наружной и внутренней дверями, разместился склад продуктов. А поскольку в школе рядом с этой дверью находилась квартира директора, я догадался, что Виктор Николаевич приспособил этот тамбур себе под кладовку...

В газете «Пионерская правда» и в журналах «Пионер» и «Костёр» я много раз читал о том, что брать чужое без разрешения нельзя, так как это будет считаться воровством. А воровство - это всегда плохо. Но, увидев в кладовке куски топленого сала и представив, как оно жарится на сковородке вместе с картошкой, шипя и издавая изумительно вкусный запах, я решил взять у Виктора Николаевича два куска сала взаймы. А потом, когда я поступлю на работу, то после первой же полочки приду к своему ставшему нам вторым отцом директору школы и с благодарностью расплачусь с ним. И, взяв свою добычу, я побрел обратно к себе, под скалы напротив дома № 25.

Утро уже наступило. Солнце показалось над деревьями в районе Верхнеуральского тракта, и блики его согревающих лучей засверкали на поверхности реки. Сверху под берег спустились ребята нашей уличной футбольной команды «Уф» (Уфимской улицы), составлявшей одну миллионную долю от всех советских уличных футбольных команд того времени. Когда-то из таких команд в Москве сформировались коллективы ЦДКА, «Динамо», «Спартак» и другие, укомплектованные не купленными за доллары легионерами, а нашими отечественными носителями высокой спортивной чести и культуры. Среди них были Всеволод Бобров, Константин Бесков, Алексей Гринин, братья Соловьёвы, Алексей Хомич и другие, которые уже в первой послевоенной поездке на игры в Англию выиграли серию матчей у родоначальников футбола со счетом 19:9. Футболисты Уфимской улицы во всем подражали им.

Ребята знали о моем существовании и, увидев добычу, принесенную мною, проявили пролетарскую солидарность. Не сговариваясь, Гена Сидоренко, отец которого погиб на фронте, а мама была добрая и заботливая, сбежал домой и принес ведро картошки со своего огорода. Стасик Данилов притащил большую жаровню, Игорь Ракитин - хлеб, братья Петуховы - соль и ложки. А кашеварил у костра наш капитан, выдающийся футболист Уфимской улицы Женька Заборовский. Затем, сев вокруг жаровни у кромки реки на траву со стелящимися по земле узорчатыми листьями,

мы осуществили коллективную трапезу. Я никогда в жизни не пробовал такого вкусного картофельного блюда, как то, что приготовил Женька.

Дом № 26

Небольшой, аккуратный домик в два окна, со ставнями, выкрашенными в белый цвет. В нём жила семья сотрудника металлургического завода Хлёткина. В их семье воспитывалась внучка, наша ровесница Алла. Ее родители жили в городе, но врозь. И нам казалось, что Алла всегда была одна. Мы ни разу ее не видели в кругу подруг и ребят. Каждый день она ходила мимо нашего дома в школу, но здороваться почему-то воздерживалась. Под этим домом залегало скальное образование, которое выходило из-под земли у самой кромки реки. Точно такой же скальный хребет залегал под домом № 28. Грунт между этими скалами постепенно осыпался, и крутой берег в этом месте становился пологим. Продолжая осыпаться, он стал подбираться верхней своей частью к дороге, угрожая ее разрушить. По дороге, проложенной вдоль берега, в этом месте стало ездить опасно даже на велосипеде.

Организованного сбора мусора в те годы в Белоречке не существовало, в этом деле была полная демократия: кто куда мог, туда и девал свой мусор. В основном, его сжигали в печках, а золу, полученную от сгорания, употребляли в качества удобрения своих огородов. Жильцы пытались расширить проезжую часть дороги между скал путем сбрасывания мусора прямо с берега. А среди мусора оказалось много пустых банок из-под разных консервов, которых в годы войны не было в продаже. И поэтому ребяташки рассматривали эти банки, как диковинку, и пытались пополнить ими комплекты своих игрушек (кто-то из сотрудников завода в годы войны получал щедрые дополнительные пайки).

Засыпать мусором опасный участок, конечно же, не удалось. Вскоре здесь произошел курьезный случай. Автомашина-полупортка, но с удвоенной кабиной и с уменьшенным кузовом, двигалась со стороны гавани по берегу. В районе улицы Ленина она стала сползать боком на край обрыва, что грозило падением автомашины с высокого берега. Чтобы этого избежать, шофер делал все, что мог. Ему на помощь заспешили наши мужики. Собралось на берегу много народу. На подмогу прибыл трехтонный грузовик ЗИС. Застропив терпящую бедствие полупортку длинным канатом, ЗИС медленно тянул ее вдоль берега. Ему удалось оттащить полупортку от крутого обрыва. Но на пологой части берега, напротив дома № 26, полупортка свалилась на бок. Стальной канат лопнул, извиваясь, как змея, на том месте, где только что стояли люди. А полупортка, как игрушечная машинка, закувыркалась по наклонному берегу и у самой кромки воды встала на колеса. Все замерли от такого неожиданного финала. Через некоторое время дверца кабины открылась, и оттуда «катапультировался» водитель. Он стоял в сапогах в воде и смотрел на нас снизу вверх. А народ на берегу, словно онемевший от увиденного, молча, смотрел на него сверху вниз. Такая немая сцена продолжалась до тех пор, пока шофер не сел в кабину, и полупортка не тронулась прямо по воде в сторону гавани.

Продолжение следует

Источник:

Попов, Л. Родная улица моя [Текст] : [улица Набережная. Воспоминания Л. Попова. Продолжение. Начало в номере за 3 апреля 2018 г.] / Л. Попов // Белоречкий рабочий. – 2018. – 10 апреля. – С. 6.

Родная улица моя

Продолжение. Начало в номерах за 3 и 10 апреля 2018 года

Дом № 27

Бревенчатый дом на высоком фундаменте. В нем жила семья Домниных. Их сына призывного возраста звали, кажется, Миша. Он проводил в наш дом № 36 электричество и делал внутреннюю электропроводку. Когда из Ленинграда был эвакуирован минометный завод и размещен в нашем Дворце культуры металлургов, Миша стал работать там электриком. После передислокации завода на старое место в Ленинград, Миша уехал вместе с заводом и стал ленинградцем.

Дом № 28

В этом маленьком доме в два окна жила бездетная чета Горбатовых. Глава семьи, кажется, был инженерно-техническим работником завода автотракторных деталей. Они воспитывали девочку. По возрасту она была младше нас. Перед домом в небольшом палисаднике у них росла единственная на всей улице дикая яблоня (ранетка). А на противоположном берегу реки, напротив дома Горбатовых, у дома дедушки Коноплёва находился шикарный яблоневоый сад не диких, а настоящих яблонь. На ежегодных сельскохозяйственных выставках, проходивших в Доме обороны, дедушка Коноплёв всегда занимал призовые места.

Дом № 29

Маленький однокомнатный домик, в нем проживала семья тружеников металлургического завода. Глава семьи Степан работал коновозчиком, его жена была домохозяйкой, у них росли трое детей. Старший сын Михаил - настоящий герой Набережной улицы. Когда у набереженцев возникали трудности с подбором пастуха для стада коров, Михаил прекрасно исполнял эту роль. Впоследствии он работал вальцовщиком проволочного стана металлургического завода. Это была нелегкая работа. Раскаленную заготовку, прошедшую через валки первой обжимной клетки, вальцовщик подхватывал щипцами, поворачивался на 180 градусов и вставлял в валки следующей обжимной клетки. На противоположной стороне стана другой вальцовщик проделывал точно такие же операции, посылая заготовку на сторону Михаила. И это продолжалось до тех пор, пока заготовка не превращалась в проволоку диаметром 6 миллиметров. Вальцовщики работали на металлическом полу, обутые в сапоги. Возле ног каждого лежал топор на случай, если заготовка сорвется со щипцов. Когда такое случалось, вальцовщик отрубал заготовку топором, подхватывал ее, раскаленную и извивающуюся, как змея, щипцами и направлял в обжимную клетку, и процесс прокатки продолжался. О своей профессии вальцовщика Михаил отзывался так: «На нашей работе можем выдерживать только мы, пьющие, а трезвенники сразу коньки отбросят».

Сестра Михаила Тамара успешно окончила школу № 10, работала экономистом, а затем мастером на хлебозаводе. Позднее у Мельниковых появилась еще одна дочь Надя.

Дом № 30

Бревенчатый дом в три окна. В нем проживала одинокая женщина Тимошина с дочерью Галей. В 50-е годы она избиралась квартальной улицы Набережной. Перед их домом на невысоком берегу была ровная свободная площадка, на которой часто собирались ребяташки, в том числе и те, кто увлекался самодельными пугачами: у металлической трубки загибали один конец, в трубку вставляли гвоздь и крепили его резинкой. Потом соскабливали одну-две спичечных головки в трубку, поднимали гвоздь, нажимали на резинку, гвоздь ударял о днище трубки и раздавался звук, похожий на выстрел из пистолета. Однажды Пашка Беляков ехал по берегу верхом на лошади без седла мимо компании ребяташек. Мишка Мельников на правах старшего предложил Славке Сапину выстрелить из пугача. Славка выполнил его задание. Лошадь шарахнулась в сторону, Пашка

шмякнулся на землю и сильно ушибся. Потом Славка признался мне, что никогда больше Мишкиным советам следовать не будет. Я тоже понял тогда, что не всегда нужно слушаться старших.

Между домами № 30 и № 31 существовал разрыв, загороженный деревянным забором. Осенью, когда завершалась уборка урожая, мы, ребята Набережной улицы, проникали через этот забор на огороды, где под ногами была мягкая, рыхлая земля, пахло картофельной ботвой и играли там в войну с ребятами Уфимской улицы: Стасиком Даниловым, Игорем Ракитиным, Геней Сидоренко, братьями Петуховыми, Володей Митиным и другими, чьи огороды на задах примыкали к нашим огородам. Уфимскую команду возглавлял юноша, уже имевший на руках повестку для службы в армии. Он объяснил нам, что мы расходимся в разные стороны, как только он свистнет, мы начинаем воевать. Юноша ушел в сторону старого амбара и исчез в его проеме. Раздался свист, и мы пошли в наступление. Я запомнил, в каком проеме скрылся наш противник, устремился туда же, чтобы найти и уничтожить врага. Оказалось, что юноша не стал никуда прятаться. Он тут же, с обратной стороны проема, встал за стенкой и ждал. Когда я появился в проеме, он наставил на меня деревянный пистолет и говорит: «Пу! Я тебя убил». Мне ничего не оставалось, как согласиться с этим. Этот случай лучше любой школы или училища разъяснил нам, что на войне не только храбрость и отвага нужны, а еще и голова.

Дом №31

Бревенчатый дом в два окна, хорошо ухоженный, с прекрасными дворовыми постройками. Принадлежал он семье Балдиных. Его хозяин был инвалидом (на деревянной ноге), но работал на металлургическом заводе. У них воспитывался Володя Клюкин, но мы его тоже называли Балдиным. Летом, как и все ребята набереженцы, он бегал по улице босяком. Однажды мы увидели, как Володя бежит домой и плачет, причитая: «Ой-ёй-ёёеньки, теперчи я умру». Оказывается, он стоял у дороги и смотрел, как трактор тащил сани по земле, которые чем-то задели Володю и поцарапали до крови ему пятку. Но Володя остался жив и здоров. В следующее десятилетие он вошел как стройный, красивый джентльмен, водитель личного авто.

Дом № 32

Бревенчатый пятистенный дом. В нем жила семья Анатолия Хлёткина, работавшего одним из начальников механического цеха Белорецкого металлургического завода. В годы войны он от зари до зари находился на работе. В доме всеми делами заправляла его жена-домохозяйка. У них росла дочь Тамара, наша ровесница. Она, как и Алла Хлёткина из дома № 26, находилась под строгим наблюдением мамы, не разрешавшей ей общаться с набереженским хулиганьем. Весной, когда начинал таять снег и с гор бежали ручьи, один из них, пробив русло через двор Хлёткиных, вырывался через подворотню на улицу, пересекал дорогу, идущую вдоль берега, а заканчивался впадением в реку Белую. Прохожие, идя мимо дома Хлёткиных, были вынуждены перепрыгивать через образованную ручьем канаву.

За четыре года войны много воды утекло, но мы ни разу не видели на улице Анатолия Хлёткина. Линейные руководители его уровня тогда почти жили в цехах завода. Вполне закономерно, что после окончания Великой Отечественной большая группа белорецких металлургов была щедро отмечена правительственными наградами. Анатолий Хлёткин был удостоен ордена. И однажды мы увидели отца Тамары Хлёткиной. Он в новой рубашке с орденом на груди вышел на самый край пустынного берега напротив своего дома и молча долго стоял, глядя вдаль. О чем он думал? Наверное, о том же, о чем думали тогда все труженики тыла и фронтовики, пришедшие с фронта. О наступившем мире, о начавшихся угрозах наших бывших союзников и о возможности начала новой войны. «А у нас, - говорили фронтовики в разговорах между собой, - целое поколение мужиков уже выбито в войне с фашизмом. Нам бы десяток лет передышки, когда подойдут ребята

тридцатых годов рождения». Это они так о нас говорили. И мы готовили себя к защите своего Отечества. Сдавали нормы ГТО, получали значки БГТО, изучали военное дело, учились метко стрелять, занимались в кружках и секциях ОСОАВИАХИМа.

Дом № 33

Бревенчатый дом в два окна, в нем жили тоже Хлёткины, вдова с сыном Володей. Вовка Хлёткин был ровесником Мишки Мельникова. Их призывной возраст, по-видимому, совпал с массовой демобилизацией солдат и офицеров после разгрома немецко-фашистских войск, поэтому они не призывались в армию. Володя еще подростком начал работать на заводе. Во время войны в их доме нашла приют семья эвакуированных. В этой семье был мальчик нашего возраста. После войны Володя одним из первых жителей Набережной улицы приобрел радиоприемник «Звезда» очень красивого оформления.

А на копровый цех завода поступало в то время на переплавку много оружия с полей сражений: минометы, пулеметы, были даже немецкие танки (с ними долго не могли решить, как их разделять перед отправкой в печь). Но больше всего было немецких винтовок. Хозяева картофельных огородов, примыкающих к копрам, использовали немецкие винтовки в качестве колышков для устройства ограждения участков от нашествия коз и другой скотины. Ну а мы, ребята, вооружались этими винтовками «до зубов». Гильза патрона к немецкой винтовке была примерно такой же, как гильза к винтовке Мосина, но капсюль у немцев был в диаметре немного меньше советского. Тогда нам помог Володя. Он на заводском станке расточил гнездо капсюля немецкой гильзы, подогнав его под советские размеры. И мы свободно заряжали немецкую гильзу и палили холостыми патронами в свое удовольствие.

Однажды на копры для переплавки завезли моторы от немецких самолетов. Белорецкие умельцы быстро обнаружили, что в цилиндре этих моторов один из клапанов, имеющий форму гриба на длинной ножке, является полым и заполнен каким-то пастообразным металлом белого цвета. При попадании на эту пасту воды, она загоралась. Много лет спустя мы встретили в Челябинске удивительного человека, нашего ровесника Игоря Владимировича Вишева, автора книг о практическом бессмертии человека, академика, профессора Челябинского политехнического института. Он был совершенно слепым, а потерял зрение в детстве из-за небрежного отношения точно с таким же клапаном. Игорь налил в клапан воды и заглянул в него. В этот момент и произошло ужасное... В нашем же случае все обошлось благополучно. Умельцы использовали эту находку для дела. Выковыривали из клапана немного этой пасты, помещали ее на газетку, если не было воды под рукой, плевали на пасту, и она загоралась вместе с газеткой. От полученного огонька умельцы прикуривали свои сигарки. Мы же распиливали ножку клапана, бросали его подальше в реку и, сидя на берегу напротив дома Володи Хлёткина, наблюдали, как на месте падения клапана вода начинала бурлить, а потом раздавался взрыв, словно выстрел из пушки. А потом чуть ли не до небес ввысь взлетал столб воды вперемешку с огнем.

В годы войны спичек тоже не хватало. Они появлялись в продаже не в коробочках, а в пачках, к ним прикладывалась ширкалка, о которую зажигали спички. И очень часто бывало так, что спички есть, а ширкалки нет. Или наоборот, ширкалка есть, а спички кончились. А носить в кармане немецкий клапан было тяжеловато. Поэтому курильщики чаще всего добывали огонь с помощью чекмы, то есть высекали искры из кремния с помощью металлической чекмы на специальный фитиль. От него прикуривали и бережно носили в кармане своей спецовки.

... Володя Хлёткин умер рано, а за ним последовала и его мама. Новые хозяева дома № 33 пристроили к нему еще одну комнату, и дом стал пятистенным.

Дом № 34

Маленький однокомнатный бревенчатый домик. В нем проживала одинокая женщина Манышева, она работала техничкой в больнице. К ней иногда из Уфы приезжали дочь и внук.

Дом № 35

Красивый пятистенный дом с верандой, имеющей выход в палисадник. В доме проживала семья Симоновых. Дедушка, старший в семье, часто выходил на улицу, садился на лавочку возле дома, к нему приходил солдат без руки, недавно вернувшийся с фронта по ранению. Он тоже садился на лавочку. И они о чем-то долго, заинтересованно беседовали. Сын дедушки Иван работал в прокатном цехе БМЗ вальцовщиком. Его рабочее место находилось у нагревательной печи. Специальными щипцами, за которые была привязана веревка, он захватывал раскаленный до бела слиток и вместе с пятью рабочими, в задачу которых входило тянуть за веревку, вытаскивал этот слиток из печи на рольганг. А далее лучший оператор прокатного стана Анатолий Алопин по рольгангам направлял слиток в обжимную клеть.

После такой нелегкой рабочей смены Иван приходил домой, запрягал лошадь и ехал за Укшук в ночное. А днем его лошадь вместе с другими лошадьми паслась на улицах города, возле нашей площадки, на которой мы играли в футбол.

Наши ребята Стас Данилов и Вовка Волчицкий заключили между собой тайный стговор: украсть две лошади, уехать верхом на них на фронт на помощь своим отцам, сражающимся с фашистами, и бросится на врага в атаку, да так, чтобы плащ-накидка развевалась бы по ветру, как бурка у Чапаева. Но свое желание они осуществить не успели, так как немцы вскоре капитулировали, и война закончилась. Жена Ивана тетя Дуся занималась домашним хозяйством. У них были две взрослые дочери. Одна из них Зина после войны вышла замуж за офицера бронетанковых войск, уехала к месту его службы и более в родительский дом не возвращалась. Вторая дочь Валя окончила педагогический институт и работала преподавателем в школе № 10. После войны у Симоновых родилась третья дочь Ирина.

После ухода из жизни Ивана тетя Дуся решила облегчить свою жизнь: не таскать воду на коромыслах, не пилить и не колоть зимой дрова. Обменяла свой дом на квартиру в многоквартирном доме в центре Белорецка. Потом она не раз признавалась: «Какая же я дура, такой дом на полторку обменяла».

Продолжение следует

Источник:

Попов, Л. Родная улица моя [Текст] : [улица Набережная. Воспоминания Л. Попова. Продолжение. Начало в номерах за 3 и 10 апреля 2018 г.] / Л. Попов // Белорецкий рабочий. – 2018. – 17 апреля. – С. 6.

Родная улица моя

Продолжение. Начало в номерах за 3, 10 и 17 апреля 2018 года

Дом № 36

Этот бревенчатый однокомнатный домик в два окна когда-то принадлежал семье Косаревых. В тридцатые годы прошлого века дом приобрел приехавший из города Верхнеуральска Максим Капитонович Попов, отец большого семейства. Но все его сыновья и дочери в то время были уже при деле. Старший сын Алексей работал преподавателем в средней школе Верхнеуральска, второй сын Иван был в этой же школе директором. Две дочери, тоже педагоги, Таисия и Елена, жили и работали на Украине. Еще один сын Пётр работал сельским учителем в Ломовке. В доме вместе с Максимом Капитоновичем проживали его жена Пелагея Афанасьевна и младший глухонемой сын-инвалид Володя. Именно из-за него Поповы и приехали в Белорецк, так как здесь функционировала спецшкола для глухонемых детей, а в Верхнеуральске таковой не было.

Дед Максим расширил дом, пристроил к нему еще одну комнату. Дом и дворовые строения покрыл жостью. И все это сделал своими руками. Во дворе имелись завозня, хлев для коровы, конюшня для лошади, крытый навес для кур и для хранения дров.

Шел второй месяц Великой Отечественной войны. Где-то далеко на Западе гремела канонада, гибли люди, а здесь, в Белорецке - небольшом уральском городе башкирских металлургов - по-прежнему было тихо, если не считать слезы и тревогу горожан, провожавших на фронт своих близких или получавших с фронта похоронки.

В нашем доме на берегу реки Белой тогда еще не было электричества. Свет от керосиновой лампы проникал через открытую дверь из соседней комнаты. Было видно, что у окна стоит мой отец Алексей и его брат Петр. Они сосредоточенно наблюдали, как за почерневшей в ночи рекой, почти у самого горизонта, где располагался аэродром, летал самолет У-2 с включенным прожектором большой мощности. С какой целью он летал - неизвестно, возможно, чтобы поднять боевой дух жителей города, вселить в них уверенность, что есть чем у нас Родину защищать. Ни мой отец, ни дядя Петя еще не знали в тот день, что жить им осталось меньше года. Отец погиб в июле 1942-го южнее Москвы, на его последнем письме значился обратный адрес: «Полевая почта 1755». А дядя Петя погиб еще раньше, в декабре 1941 года, успев прислать одно письмо из Челябинского клуба ЧГРЭС, в котором, по-видимому, находился сборный пункт призывников, а второе - с фронта, из Карелии, со станции Сегежа.

В те годы обои, называемые белоречанами шпалерами, для отделки жилых помещений применялись крайне редко. Если стены обклеивали, то газетами. И в нашем доме стена у окна, возле которого стояли отец и дядя, была оклеена страницами из журнала «Огонек» с изображением фотоснимков визита В. М. Молотова в фашистскую Германию и его встречи с Гитлером и Риббентропом. После ухода сыновей на фронт дед Максим удалил эти снимки и оклеил стену газетами «Белорецкий рабочий». В углу возле окна стояла этажерка с книгами отца. Затем, вдоль стенки, - кровать, над которой висел ковер, а над ним в большой рамке - фотокарточка выпускников 1933 года Пермского государственного университета. Среди выпускников выделялось фигура нашего отца и деда. Далее занимала место круглая печь-голландка. Между печью и стеной оставалось пространство, оно использовалось для размещения вешалки для одежды. У окна, в переднем углу комнаты, располагались комнатные цветы. У боковой стены стоял стол, над ним висела большая политическая карта мира. А у четвертой стены располагалась кушетка, над которой красовалась картина «Три богатыря».

У простенка между окнами стоял еще один стол, над которым висело зеркало, а на столе, под зеркалом, красовалась наша семейная реликвия - шкатулка, выполненная из черного металла, по-

видимому, кусинскими или каслинскими мастерами. Шкатулка удивляла всех: «Да как это из чугуна или стали может быть сделано такое изящное изделие, украшенное барельефом на крышке, изображающим женщину, несущую на плече корзину с фруктами, и маленького мальчика, собирающего у ее ног цветы». В этой шкатулке хранились драгоценности бабушки и дедушки Косьяновых, а затем она стала принадлежать моей маме. Ну а потом мы хранили в шкатулке свои награды: пионерский и комсомольский значки, зажим к пионерскому галстуку, значки БГТО, ГТО, ЮАС («Юный авиастроитель»), МВ (спортивное общество «Металлург Востока») и другие предметы. Перед отъездом на учебу я просил родственников сохранить шкатулку и книги отца. Но возвратившись, нашел только несколько сохранившихся книг, а шкатулка оказалась в Москве в качестве экспоната Политехнического музея. При посещении музея мы сразу нашли свою шкатулку, она стояла под стеклянным колпаком. Мы смотрели на нее, как на призрак прошлой счастливой жизни, но не могли даже прикоснуться к ней.

В 1941 году в Белорецке был очень хороший урожай картофеля. И наш подпол был им заполнен до самого верха. 1 сентября мы проводили моего отца на фронт. Через несколько дней, когда я был дома один, а бабушка и дедушка находились на огороде, неожиданно появился дядя Петя. Он открыл крышку подпола, достал две большие картофелины, положил их за пазуху, обнял меня, прижав к своей колючей щеке, и сказал: «Передай матери, что я ушел на фронт». Больше своего дядю я никогда не видел.

До революции дед Максим работал в Верхнеуральске телеграфным механиком на почте, успешно окончив гимназию на дому. Когда-то в Верхнеуральске он принимал активное участие в революции и Гражданской войне. Находился в отряде Ивана Каширина. Дважды попадал в Верхнеуральскую тюрьму. В составе службы связи пятой Красной армии освобождал Урал от колчаковцев. Неоднократно избирался в Верхнеуральский совет депутатов. Впоследствии он не раз вспоминал: «Если бы я не уехал из Верхнеуральска, не избежать бы мне участи многих «каширинцев», репрессированных по делу героев Гражданской войны». Но была у деда и вторая специальность - пимокат. Поэтому в Белорецке он построил на своем огороде небольшую мастерскую и катал в ней валенки. Великая Отечественная война беспощадно расправилась с Максимом. На фронте погибли его сыновья Алексей и Пётр. Младший сын Володя утонул в 1952 году, купаясь в Белорецком пруду. Дед Максим умер в 1959 году и был похоронен в Белорецке на старом кладбище, за Матой. Его жену Пелагею Афанасьевну забрала к себе на Украину старшая дочь Таисия. Сын Иван продал дом и вместе со своей семьей переехал в Москву, где умер в 1985 году и похоронен на Донском кладбище.

Я, внук Максима Капитоновича, после своей службы в армии больше не вернулся в Белорецк, обосновался в Челябинске. Много лет спустя, работая в Челябинском государственном архиве, нашел воспоминания своего деда. В них Максим Попов как очевидец свидетельствовал о событиях 1918 года, проходивших в Верхнеуральске и Белорецке. О событиях, которые за последующие десятилетия после гибели героев Гражданской войны братьев Кашириных были сильно искажены и преданы забвению. Поэтому эта находка в архиве стала хорошим подспорьем современным краоведам для ликвидации белых пятен истории нашей малой родины и установлению истины тех трагических и героических лет, связанных с революцией и Гражданской войной в нашем крае.

Другие внуки деда Максима - Владимир и Роман Пепенины - живут на Украине, там же - еще два внука Сергей, Александр и внучка Наташа Яроши. Они твердо шагают по жизни.

... В 2008 году был обновлен памятник на могиле Максима Попова, но современные вандалы разрушили его...

Дом № 37

Этот бревенчатый пятистенный дом, по-видимому, был построен по одному проекту с домом Симоновых. В нем проживала семья Ишмаевых: бабушка, ее сын Тит с женой и сыном Геннадием. У них имелось ружье и другое охотничье приспособление. Под берегом стояла их пристегнутая лодка-плоскодонка. Геннадий частенько охотился прямо против своего дома, стрелял приводнившихся во время осеннего перелета уток.

Осенью 1942 года жители Набережной улицы, толпившиеся у ворот своих домов, встречая стадо коров, с тревогой передавали друг другу вести с фронта: «Немец-то все прет и прет, он уже у Сталинграда, так скоро и в Белорецке может оказаться». Жена Тита Ишмаева долго смотрела на меня сверху вниз и спросила с ехидством: «У тебя папа на фронте воюет?» Несмотря на глубокое малолетство (мне было только шесть лет), я уже тогда подумал, если немцы придут в Белорецк, эта тетя обязательно нас выдаст. Но, к счастью, немец в Сталинграде застрял и нашел там свою кончину. Тит же ходил на костылях. Про него распространялась молва, что он якобы симулирует болезнь, чтобы избежать призыва на фронт. Вероятно, из-за этого семья Тита вскоре уехала из Белорецка. В доме осталась одна бабушка. Она решила продать этот дом и купить себе жилье поменьше. И продала дом за 70 тысяч рублей. А примерно через месяц грянула первая послевоенная денежная реформа. И бабушкины деньги обесценились в десять раз. Как сложилась ее дальнейшая судьба, неизвестно.

Новыми хозяевами дома стали Гридневские - добродушные люди, хорошие хозяйственники. Они первыми на Набережной завели на огороде пчелиные ульи и имели свой собственный набереженский мед.

Дом № 38

Пятистенный бревенчатый дом принадлежал Белорецкому металлургическому заводу, в нем жила чета Тутуниных. У них было два сына: Женя (ученик школы № 10) и Лёва, наш ровесник. Но вскоре они переехали на другую квартиру. А в этот дом вселилась семья Абдрахимовых. Глава семьи Абдула Симигуллович (мы почему-то звали его дядей Ваней), работал начальником смены доменного цеха. У них был сын Альберт, с которым мы быстро подружились. Абдула Симигуллович отличался от других руководителей своего уровня тем, что относился с сочувствием к ребятам, отцы которых сражались на фронте, в том числе и к нам. На новый 1942 год Абдрахимовы пригласили меня к себе на ёлку. Ёлка была красивая, нарядная. Вначале все было хорошо, но вот дошла до меня очередь рассказывать стихи, а я ни одного стихотворения не знаю. Я вспомнил, что когда еще была жива мама, она рассказывала мне стих про «кисоньку Мурысоньку» и пробормотал невнятно четверостишие. Возвратившись от Абдрахимовых я решил, что мне нужно знать про запас хотя бы одно стихотворение. И я выучил такой стих и помню его до сегодняшних дней: «Смелый дерется с врагами. Смелого любит народ. Смелого пуля боится. Смелого штык не берет».

Запомнился и такой эпизод. Лето. Жаркий солнечный день. По пустынной Набережной улице не спеша идет с работы усталый Абдула Симигуллович. Мы с ним поздоровались. Он прошел еще несколько шагов, потом остановился, подозвал меня к себе и подал мне крупную по тем временам купюру - 50 рублей. Я растерялся, но принял подарок. Наверное, в этот день дядя Абдула получил премию или получку, находился в хорошем настроении и решил оказать подобным образом материальную помощь семье фронтовика.

Был и такой случай. Провода радиосети, протянутые от столба до столба, проходили над нашим палисадником невысоко над землей. И мы с ребятами, проявив смекалку, воткнули в землю гвоздь, замкнули на него радиопровод через наушники от детекторного радиоприемника и слушали футбольные репортажи, которые вел знаменитый комментатор Вадим Синявский. Однажды, увлекшись радиорепортажами, мы не заметили, как к ограде нашего палисадника подошел дядя

Абдула. Конечно, он все увидел, все понял. Мы думали, что теперь нам не сдобровать. Но Абдула Симигуллович улыбнулся и, не сказав ни слова, пошел к своему дому. Мы же немедленно разобрали всю свою конструкцию. И когда дядя Абдула вошел к себе в дом и включил радио, оно уже должно было работать без замечаний.

Когда я в 1958 году вернулся домой после службы в армии, произошла последняя наша встреча с Абдулой Симигулловичем. Он мне задал такой вопрос: «Скажи, в армии служить трудно?». И я, не подумав, ответил: «Да, трудно». А потом вспомнил, что его сын Альберт на два года младше меня и сейчас находится на военной службе, и отец переживает за него. И я стал пытаться исправить допущенную оплошность. Объяснять дяде Абдуле, что трудно - это не сопоставимо с тасканием мешков или работой кувалдой, а трудно потому, что в армии без разрешения никуда не пойдешь, вся жизнь идет строго по распорядку дня. Но слово не воробей, вылетит - не поймаешь. Вряд ли я тогда успокоил отца Альберта. Но после службы в армии Альберт возвратился домой отличником боевой и политической подготовки. В армии он вступил в партию коммунистов. В Белорецке стал работать машинистом электровоза, занимался подвозкой руды к доменным печам. Возле своего дома № 38 он вырастил шикарный вишневый сад. Успешно окончил Белорецкий филиал Магнитогорского горно-металлургического института, затем работал в Магнитогорске.

Однажды, через много лет, живя в Челябинске, я получил телефонный звонок от Альберта. Он сообщил, что находится в Челябинской областной больнице и ему уже сделали операцию шунтирования на сердце. Я немедленно поехал к нему в больницу, думал, что застану Альберта лежащим на больничной койке.

Но увидел его бодрым, прогуливающимся по больничному коридору. Тяжелейшую операцию он выдержал стойко, как подобает настоящему белоречанину.

Лет через десять к нему привязалась еще одна болезнь - диабет. Альберт мужественно сражался за жизнь, но победить диабет не смог. Он ушел из жизни в 2017 году, в Магнитогорске. Его мама Александра Васильевна Абдрахимова находилась с ним рядом и держала его за руку до последнего вздоха.

Александра Васильевна, тетя Шура, жила в доме № 38 вместе с дочерью Таней. Сегодня ей идет 101-й год. Таня увезла ее к себе в Москву.

Тетя Шура навсегда останется в памяти, как непревзойденная долгожительница улицы Набережной.

Продолжение следует

Источник:

Попов, Л. Родная улица моя [Текст] : [улица Набережная. Воспоминания Л. Попова. Продолжение. Начало в номерах за 3, 10 и 17 апреля 2018 г.] / Л. Попов // Белорецкий рабочий. – 2018. – 24 апреля. – С. 6.

Родная улица моя

Продолжение. Начало в номерах за 3, 10, 17 и 24 апреля 2018 года

Дом № 39

Бревенчатый дом в два или три окна, позднее он был перестроен и стал пятистенным домом. Там проживали Васючковы. Хозяин дома - бывший казак, участник Первой мировой войны. Служил в гвардии, два месяца находился в охране царя, имел два Георгиевских креста. Был репрессирован. Хорошо играл на гармошке. Работал в мартеновском цехе БМЗ. После смерти жены дочь забрала его жить к себе в Тирлян, который стал его последним пристанищем. Известно, что внучка его живет в Челябинске.

Дом № 40

Маленький бревенчатый домик, в нем жила вдова Андрианова, который раньше работал на БМЗ. С ней жили две дочери подросткового возраста; Маня, которая позднее работала в санэпидемстанции, и Шура, ставшая потом бухгалтером Белторга. Они образовали свои семьи. По рассказам старожилов, у Мани было трое детей, и народный депутат выхлопотал для нее квартиру в городе.

Дом № 41

Бревенчатый домик в два окна (немного больше дома Андриановых). В нем проживала вдова Спицина, работавшая до войны продавцом в магазине. С ней жили два взрослых сына. Еня, который работал машинистом-погрузчика на БМЗ, и его старший брат, работавший на эвакуированном в Белорецк минометном заводе. После окончания Великой Отечественной войны он уехал вместе с заводом в Ленинград. Еня получил квартиру в новом доме в центре города.

Дом № 42

Бревенчатый дом в запущенном состоянии, с покосившимися воротами, сохранявшими остатки резных украшений, как следов былой роскоши. В доме жила веселая, шумная семья Беляковых. Глава семьи Гараня, сапожник по специальности, не любил выпить, в этом ему следовал старший сын Вася. Жена, дочь Зоя и младший сын Пашка находились под бдительным оком отца. Домой Гараня обычно приходил ближе к вечеру и начинал воспитывать своих домочадцев. Со стороны дома Беляковых раздавался визг, крики и плачь. Закончив воспитательную работу, Гараня выходил из дома, садился на самый край обрывистого берега и долго сидел в глубоком раздумье. Ветер надувал его белую рубашку, словно раскрывшийся маленький парашют ангела-хранителя, на котором Гараня опустился на землю из голубого поднебесья.

Дом № 43

Совсем маленький бревенчатый домик находился в глубине огорода, там, где у других набереженцев располагались бани. В доме жила одинокая старушка Миронова. Ее муж был красным партизаном, потом работал кучером на БМЗ, но умер рано. После ухода из жизни бабушки, ее домик исчез, наверно, кому-то пошел на дрова.

Дом № 44

Пятистенный бревенчатый дом с красивыми резными наличниками, хорошо оформленными дворовыми постройками и огородом на задах. В доме проживала семья Тяжелниковых. Глава семьи Михаил был на фронте. Его жена, тетя Настя, на свои плечи приняла все тяготы военного времени по содержанию семьи и воспитанию детей, а их у нее было четверо: дочери Валя, Нина, Лида и сын Володя. Кроме того, занимая место на русской печке, с ними жила престарелая свекровь. И всех

нужно было одеть, согреть и накормить. В своем хозяйстве тетя Настя держала кур, корову, сама заготавливала сено, зимой пилила и колола дрова. Конечно же, приобщала к труду своих детей.

Поскольку у домов № 45 и № 46 не было палисадников, поэтому возле дома Тяжелниковых образовалась свободная площадка, которую облюбовали набереженские ребята: Тяжелниковы, Шошины, Клара и Галя Знаменсковы, Славка Сапин, Пашка и Зоя Беляковы, Альберт Абдрахимов, Володя Балдин, Галя Тимошина, а также эвакуированные ребята и с других улиц. Здесь, несмотря на военное время, звенели детские голоса, раздавался радостный смех. Играли в разные игры: «Заплетайся сито, сито, решето». Или, разбившись на две команды, ребята вставали друг против друга, взявшись за руки, и кричали: «Кондалы! Скованы! Раскуйте! На кого? На Вовку самого!».

Вовка разбежался и, если ему удавалось порвать оцепление взявшихся за руки товарищей, уводил одного из них в свою команду. Переключка вновь повторялась. А если атакующий не смог порвать оцепление, то он сам оставался в этой, оказавшейся сильнее, команде. И так продолжалась игра до последнего «солдата».

Девчонки часто играли в классы, чертили на земле квадраты и, прыгая на одной ноге, пытались цветную стекляшку провести через все классы. Мальчишки же играли в «Чижика», «Муху», в городки и в почти совсем забытую игру «Бабки». А вот подобрать подходящую площадку для игры в мяч на берегу реки не было возможности, поэтому набереженские ребята пополняли футбольную команду соседней, Уфимской улицы.

После войны глава семьи Тяжелниковых дядя Миша вернулся домой живым и здоровым. Тетя Настя с облегчением вздохнула. Валя стала продавцом в магазине, Нина, окончив педагогическое училище, работала учителем в школе. Лида окончила Белорецкое отделение Магнитогорского горно-металлургического института, стала сотрудницей высшей школы. Володя, отслужив в армии, где научился мастерски водить танки, вернулся домой отличником боевой и политической подготовки, тоже окончил институт и работал на заводе АТД. Оставаясь главой родительского дома, он привел в порядок все дворовые постройки, обновил его, пристроив к дому еще одну комнату, провел газ и водопровод. И стал самым уважаемым старожилем улицы Набережной. Сыновья Володи проживают в Москве. Чтобы облегчить жизнь родителям, подарили им квартиру в центре Белорецка. Но не прожив в этой квартире и месяца, Владимир Михайлович вернулся домой. «Нет, - сказал он, - не могу жить в каменном мешке. Мне нужен простор, двор, огород на задах и вид из окна на речку Белую. Здесь я чувствую дыхание своих предков. Ведь это моя малая и самая близкая Родина».

Дом № 45

Один из немногих на Набережной улице дом, не имевший палисадника, за счет него и образовалась площадка для игр ребятшек. Жила в этом доме семья Волкова Исаака Никитовича, приехавшая в Белорецк из села Николаевка, расположенного за Тирляном. Исаак Никитович носил пышные чапаевские усы, был добродушным пожилым человеком, оказывавшим положительное влияние на воспитание набереженской молодежи.

Дом № 46

Самый маленький (после первого дома № 25) однокомнатный домик улицы Набережной, располагавшийся на скальном грунте, поэтому хорошего огорода и палисадника здесь организовать было нельзя. Жила в этом доме семья рядового труженика БМЗ Андрея Шошина. Он работал в цехе, в котором не было ни раздевалки, ни душа. Каждый день утром он шагал на работу по Набережной и вечером возвращался черным пятном в абсолютно замасленной, черного цвета спецовке. Особенно выделялась его чернота зимой на ослепительно белом снегу. И думалось тогда: а сможет ли он отмыться дома в тазике от такого производственного загрязнения? Его жена не работала, была

домохозяйкой. У них было четверо детей: Коля, Рая, Галя и Надя. В конце пятидесятых годов, когда Андрей уже вышел на пенсию, Шошиным выделили просторный новый дом за Укшуком. Коля почему-то не служил в армии, он выучился на шофера и стал водителем первого класса. Успешно прошагали по жизни и другие дети Андрея Шошина, гвардейца Белорецкого металлургического комбината. А домик Шошиных исчез, точно так же, как исчез домик бабушки Мироновой.

Дом № 47

Пятистенный, бревенчатый, в отличном состоянии дом. В нем жила большая дружная семья Рябовых. Глава семьи Пётр работал на Белорецком металлургическом заводе. На улице он появлялся редко.

Пётр ревностно оберегал свои владения. Перед домом, в палисаднике у них росла брюква и другие овощи. Ребятишкам, игравшим возле дома, он напоминал, что лазить в чужой огород нельзя. Вместе с ним жила семья его сына Виктора (тоже работавшего на заводе электриком) и дочь с мужем Степаном. Виктор был первым на Набережной улице купившим после войны немецкий мотоцикл с карданной передачей. А потом его продал и стал первым владельцем легковой машины «Победа» на нашей улице. Соседи с завистью наблюдали, как хорошо в багажнике «Победы» возить с гумна мешки с картошкой, интересовались, сколько стоит эта машина. А узнав, с удивлением вздыхали, приговаривая: «О-го-го! Да за такие деньги корову купить можно».

Дом № 48

В нем жила тетя Зина, вдова погибшего на фронте солдата. У нее был сын Слава. Зина уходила утром на работу, и мы со Славкой целый день находились у них дома одни. Его отец был охотник. Мы разыскали его ружье и принадлежности к нему, научились разряжать охотничьи патроны. Вынимали из гильзы пыж, высыпали дробь, вынимали другой пыж, высыпали порох и делали из ружья холостой выстрел. К нам присоединился Колька Шошин, он был на несколько лет старше нас, поэтому сам взялся разряжать патроны и стрелять холостыми выстрелами, целясь мне в лоб. Конечно, я боялся, но показать свою трусость не хотел. И вдруг раздался настоящий выстрел, и я почувствовал удар в лоб. Колька стрелял метко. Он оцепенел от содеянного, но все обошлось благополучно. Оказывается, в разряженном патроне был еще один пыж, а под ним оставалось немного пороха. И этот войлочный пыж угодил мне в лоб. Это был первый случай, когда я досрочно мог угодить на встречу с Всевышним. Второй раз это случилось здесь же, напротив Славкиного дома, когда мы катались на льдинах по реке Белой. В середине отколовшейся от берега льдине мы проделывали отверстие и через него с помощью шеста передвигались по реке. И вдруг почти у самого моста моя льдина раскололась напополам, и я пошел под воду. Набрал в легкие как можно больше воздуха и приготовился встретиться с ледяной водой. Но вода на удивление оказалась теплой. Это на улице свирепый мороз, а температура воды в реке - плюсовая. Я попытался забраться на обломок льдины, но она вставала на дыбы. Подумал, что мне пришел конец, но тут под ногами я почувствовал дно реки. Глубина-то здесь оказалась небольшая. И я своим ходом вышел на берег. Мороз сразу же сковал всю мою одежду. Колька Шошин посоветовал мне идти домой. И я пошел. С тех пор не на словах, а на деле я знаю, почему моржи, купающиеся зимой в проруби, такие храбрые. Да потому, что вода в проруби теплая.

Третья попытка отправить меня на тот свет была более серьезной. У моего глухонемого дяди вдруг «поехала крыша». Дедушка и бабушка быстро выбежали на улицу, а я остался на печке, пока не увидел его озверевшее лицо. Дядя сбросил меня с печки, и я потерял сознание. А внизу стоял остро отточенный плотницкий топор, прислоненный к печке, и я до сих пор удивляюсь, как это мой дядя Володя не догадался тогда избить меня. Ведь сознание ко мне вернулось только на улице уже далеко от дома, когда тетя Настя Тяжельникова быстро уводила меня куда-то за руку. В

хирургической больнице две чем-то шибко рассерженные докторши наложили мне на голове шов, забинтовали рану, и я, как солдат с фронта, вернулся домой.

Тогда я пропустил много уроков в школе, а когда все утряслось, я хорошо подготовился, пришел в класс и на уроке поднял руку, чтобы меня вызвали к доске для ответа. Но наш преподаватель Константин Емельянович с нескрываемым ехидством стал задавать мне вопросы не те, которые были заданы на дом, а те, которые проходили в классе в мое отсутствие. У меня было большое желание ликвидировать пробелы в своих знаниях, времени до конца учебного года еще оставалось достаточно, но другие преподаватели поступили точно так же, как Константин Емельянович. И я понял, что они уже договорились меня оставить на второй год. Что и произошло в итоге. Целый год мною был потерян.

Продолжение следует

Источник:

Попов, Л. Родная улица моя [Текст] : [улица Набережная. Воспоминания Л. Попова. Продолжение. Начало в номерах за 3, 10, 17 и 24 апреля 2018 г.] / Л. Попов // Белорецкий рабочий. – 2018. – 8 мая. – С. 6.

Родная улица моя

Окончание. Начало в номерах за 3, 10, 17, 24 апреля и 8 мая 2018 года

К Славкиному дому примыкал дом Знаменских. В нем жила наша квартальная, тетя Тоня. Муж у нее тоже находился на фронте. С утра она уходила на работу. В доме оставались две ее дочери Галя и Клара. Однажды от начавшегося сильного дождя мы спрятались со Славкой на повети. Наблюдали, как сверкает над огородами молния, слушали, как гремит гром, мелкой дробью барабанит дождь по металлической кровле. Заглянув в проем в стене, мы увидели во дворе Знаменских Галю и Клару, они тоже прятались от дождя на дощатой площадке у входа. Завели разговор с соседками, и эта дощатая площадка превратилась в театральную сцену. Для нас девочки устроили настоящий спектакль. Режиссером была старшая сестра Галя, а Клара изображала светских дам, танцевала и даже выполняла сложные акробатические этюды. Мы были уверены, что они в будущем непременно станут знаменитыми артистками. Но они обе стали педагогами. Клара в последствии работала директором лучшего технического училища в городе.

Кончилась война. Весь в орденах и наградах пришел с фронта папа наших соседок. И жизнь Знаменских заметно изменилась к лучшему. У нас же со Славкой все оставалось по-старому.

Несмотря на житейские трудности, мать Славки тетя Зина держала во дворе корову. Она по-прежнему утром уходила на работу, а Славка уводил корову пастись за город. У нас же к тому времени коровы уже не стало, но появилась коза Катька, и я составил Славке компанию. Каждый день мы с ним (он - корову, я - Катьку) выводили за город и за старым кладбищем сворачивали с Магнитогорского тракта на гужевую Косенькую дорожку, которая проходила через совхозные поля и спускалась к маленькой речушке Укшук, где буйствовали травы. А по берегам Укшука красовались заросли черемухи и других деревьев. В самой речке вода была прозрачная, как слеза, и водилась редкая рыба хариус. Мы стояли со Славкой в речке по колена в воде, макали хлеб в воду и таким образом обедали. Места эти были нам знакомы еще и потому, что когда у деда Максима была лошадь, он брал нас с собой в ночное. И мы, преодолев Укшук вброд, на поляне между лесным массивом и речкой ночевали у костра, слушали удивительные рассказы мужиков-коноводов и отбивались, как могли, от надоедливых комаров. Один из рассказов коновода, лицо которого от комаров закрывал капюшон, и оно лишь слегка освещалось пламенем костра, запомнился мне

больше других. Наверное, потому, что этот рассказ очень заинтересованно слушал дед Максим, участник революционных событий и Гражданской войны в этих краях. Максим постоянно переспрашивал рассказчика и удивлялся: «Да как это он сумел уцелеть?». А речь шла о командире каширинского отряда подьесауле Фёдоре Пичугине, участнике боев под Белорецком и Тирляном и в ликвидации антибольшевистского мятежа на Белорецком заводе в июле 1918 года.

Много лет спустя в Челябинске я встретил краеведа от Бога Николая Семёновича Шибанова. И он рассказал мне, что, работая над очерком «По следам Фёдора Пичугина», он до мельчайших подробностей изучил биографию этого красноказачьего командира, который впоследствии, изменив фамилию, продолжал служить в Красной Армии, дослужился до генеральского звания. В 1945 году участвовал в штурме Берлина, закончил войну Героем Советского Союза. «Я даже определил, на каком коне ездил Пичугин, - не без разочарования вспоминал Н. С. Шибанов, - но родственники Пичугина отнеслись к моей работе без должного внимания, заявив, что им вполне достаточно тех подвигов, которые Фёдор совершил в годы Великой Отечественной войны. И более им ничего не нужно».

По Косенькой дорожке мы, как и все набереженцы, часто ходили в лес за ягодами и грибами, собирали хмель, черемуху, а осенью заготавливали березовые веники для бани. Каждую весну совхозники перепахивали своими тракторами Косенькую дорожку, но каждый раз она возрождалась вновь, пролегая через картофельные огороды, луга, покрытые ромашками, васильками и колокольчиками, а потом убегала в волнующиеся, как море, золотистые поля пшеницы. Укшук был неофициальной зоной отдыха белоречан, местом встречи их с дикой природой. Где-то в конце пятидесятых годов Косенькая дорожка исчезла...

После окончания войны в Белорецке появились репатриированные граждане, бывшие советские солдаты, освобожденные из фашистского плена, прошедшие фильтрационные лагеря и обязанные отработать срок в определенных регионах СССР. Один из таких граждан снимал комнату у Сапиных. И получилось так, что тетя Зина вышла за него замуж. Они продали дом и уехали на Украину, родину репатриированного, в город Мелитополь. Славка не прижился в новой семье, завербовался на строительство Качканарского горно-обогатительного комбината на севере Свердловской области, работа на котором была объявлена стройкой коммунизма. Там женился. Потом переехал на строительство Волжской ГЭС. Мы с ним переписывались. Он мне присылал письмо с фото своей дочери. Но где-то в 80-х годах посланное мною письмо вернулось обратно с припиской: «Адресат умер». Стало грустно вспоминать свое детство, речку Белую и Славкин домик в два окна.

Вместо эпилога

Дом Знаменских на углу улицы Набережной уже относился к улице Сталина, на ней пролегал мост через реку Белую. По мосту постоянно двигались подводы от хлебозавода, развозившие хлеб по магазинам города. В зимнее время здесь было много ребят с улиц Набережной, Уфимской и Кирова, потому что берег в этом месте был удобным для катания на санках и лыжах. Несколько десятков саночников выстраивались сверху, взявшись за руки, по команде лихо пронеслись вниз, на лед замерзшей реки.

После окончания войны в городе появились грузовые автомашины, они заменили гужевой транспорт по доставке хлеба в магазины. Переехав мост со стороны Луки, автомашины замедляли ход, так как начинался крутой подъем в гору. Мальчишки на коньках умело пользовались этим. Они, вооружившись самодельными крючками из толстой проволоки, цеплялись за кузов автомашины, и та везла в гору целую гурьбу находчивых конькобежцев. Шофер останавливал машину, выходил из кабины, мальчишки тут же разбежались в разные стороны. Как только он возвращался в кабину и автомашина трогалась, мальчишки вновь цеплялись своими крючками за нее. Иногда таким образом

нам удавалось прокатиться через весь город до хлебного магазина, расположенного в 30-квартирном жилом доме на углу улиц Ленина и 1-я Мраткино. А вот Пете Ракитину с улицы Кирова не повезло. Однажды он вместо крючка принес из дома кочергу. День был воскресный. С базара возвращались в Ломовку подводы. За одну из них Петя зацепился кочергой. А в коробушке подводы сидела находчивая женщина, она схватила кочергу и потянула ее на себя. Петя сопротивлялся, даже сел на дорогу, но противостоять лошадиной силе не смог и выпустил из рук кочергу. Так кочерга сменила собственника и уехала в Ломовку.

В те годы дорог с твердым покрытием в Белоречке не было. Поэтому после дождя на улице Сталина образовывалась непролазная грязь. А вдоль дороги, связывающей хлебозавод с центром города и базаром, пролегла канава, которую заполнял бурный поток воды. Глубина этой канавы, напротив дома Знаменских, достигала более двух метров. Там, где канава заканчивалась, поток воды устремлялся с берега вниз к реке, создавая большие неудобства пешеходам, идущим по улице Набережной к мосту. Канава периодически засыпалась грунтом. Для этой цели привлекались в качестве землекопов заключенные белорусской тюрьмы. Но весной, когда таял снег, водные потоки вновь возрождали канаву. Победить ее удалось только тогда, когда на улице Сталина появились тротуары и дороги с бетонным покрытием.

На берегу, против дома Знаменских, в скальном образовании был грот в виде небольшой пещеры, привлекавший набережных мальчишек своей таинственностью и предположением, что где-то здесь находится подземный ход к сказочно богатым кладовым. У кромки реки бил из-под земли источник прозрачной, холодной воды. Кто-то обустроил его в виде колодца. Этот колодец исчез, когда белорусские строители, не думая о будущем реки Белой, поставили возле моста экскаватор и стали добывать со дна реки гравий для производства бетона.

Большой неприятностью для жителей Лукинского района были моменты, когда река выходила из своих берегов. Особенно большое наводнение случилось в июне 1964 года, когда вода разрушила заводскую плотину, снесла деревянный мост, а за ним - металлический пешеходный мост. Следующим был мост в районе Гавани. В итоге затопило весь Лукинский район. И только хлебозаводский мост устоял. По-видимому, это событие побудило белоречан принять защитные меры. Вдоль всего Лукинского берега был отсыпан земляной вал, а для его закрепления на нем было высажено множество деревьев. Изменилась и улица Набережная. Здесь, расширяя вдоль берега дорогу, пришлось засыпать грунтом украшающие берег скалы и тоже высадить деревья. Теперь из-за крон ни набереженцы, ни лукинцы уже не могут наблюдать из своих окон, что делается на реке и противоположном берегу. Стало трудно найти место, чтобы подойти к реке. Но зато воду теперь набереженцы берут из водопроводной колонки, дрова не пилят и не колят, так как в каждом доме оборудован индивидуальный газонагревательный котел. Но проходя сегодня по улице Набережной, как по аллее парка, приходится с горечью сожалеть о том, что все обитатели улицы сменились. Остался лишь один старожил, ветеран бронетанковых войск и завода автотракторных деталей, победитель социалистического соревнования двух советских пятилеток Владимир Михайлович Тяжелников, боевой мальчишка военного времени, носитель и хранитель боевых и трудовых традиций своих предков.

Источник:

Попов, Л. Родная улица моя [Текст] : [улица Набережная. Воспоминания Л. Попова. Окончание. Начало в номерах за 3, 10, 17, 24 апреля и 8 мая 2018 года] / Л. Попов // Белоречский рабочий. – 2018. – 15 мая. – С. 6.